

В статье проводится критический взгляд на концепт будущего – изобретение Нового времени. Утверждается, что идея будущего – продукт исключительно линейного исторического и темпорального мышления. Именно такое мышление сделало возможным Новое время, оно не было известно предшествующим эпохам. Будущее – весьма сомнительный концепт, требующий для своего приятия и усвоения довольно серьезных редукций темпорального воображения, а именно выстраивания их в линию поступательного прогресса. В этом контексте и было сформировано новоевропейское проектирование, дереклексивным наследником которого является и современный архитектурный метод мышления и действия.

Ключевые слова: концепт будущего; линейное время; структура проектирования; мифология темпорального; утопия и ухрония; освобождение от концепта будущего. /

The article provides a critical look at the concept of the future – the invention of Modern times. It is argued that the idea of the future is a product of exclusively linear historical and temporal thinking. It was this kind of thinking that made Modern Times possible; it was unknown to previous eras. The future is a very dubious concept. In order to be accepted and assimilated, it requires rather serious reductions of temporal imagination, namely, building them in a line of incremental progress. In this context, the New European design was formed, the dereflexive heir of which is the modern architectural method of thinking and acting.

Keywords: the concept of the future; linear time; design structure; temporal mythology; utopia and uchronia; liberation from the concept of the future.

По ту сторону будущего / On the other side of the future

Появление будущего

Эпоха Нового времени – начало кардинального поворота в истории человечества. Так называемый Проект Модерна – открытый ящик Пандоры, который, увы, не удается захлопнуть никакому постмодернизму. В это и непосредственно последующие за ним времена возникли – расщепленным и волевым образом – понятия и категории, которые сегодня многим представляются совершенно привычными, почти «естественными»; более того – они кажутся существовавшими вечно и вне какого-либо человеческого участия. Однако это совсем не так. Новое время породило – искусственно сконструировало – понятия, которых до него не существовало, без которых человечество обходилось веками и тысячелетиями. К таковым относятся понятия «человек» (о нем подробно писал М. Фуко), «общество», «прогресс», «наука», «знание» и многие другие. В их же числе и понятия (хотя до сих пор скорее метафоры и образы) времени – будущее и прошлое.

Необходимо сразу заметить, что «настоящее» в круге понятий Нового времени отсутствует. Его зияние совершенно очевидно и доныне [1]. Неспособность иметь дело с настоящим, замещая его идеологизированными конструктами прошлого, а паче того – умозрительными образами будущего, легко позволяющими любые манипуляции, – фундаментальная черта новоевропейского знания вплоть до наших времен.

Линейное выстраивание времен

Предшествовавшие Новому времени века мифологического и религиозного *par excellence* (преимущественно) мышления, века традиции, имели совсем иную картину развертывания времени – не линейную, не прогрессистскую (в которой всем нациям якобы суждено пройти одни и те же этапы эволюции, что дает основание классифицировать их по степени «развитости» на данный момент); не центрированную на исключительность и не похожую на колею [2], – даже притом что представление о фатуме не покидало картину мира. Время было цикличным, время двигалось с трудом и главным образом вокруг великих событий и великих личностей. Мир был в целом освоен, подчинялся законам, недоступным

людям, что позволяло не беспокоиться о его судьбе. Прошлого не существовало: прошедшее не было структурировано, а предки были всегда рядом – в мире длящегося настоящего. Грядущее же было неотвратимо и, по сути, давно уже прописано в Священном Писании или в книге судеб. Проектирование не требовалось, его и не было: священные прототипы, образцы и каноны полностью покрывали все потребности производства, все представления о возможных объектах деятельности [3].

Но с Новым временем, с его идеологией, все меняется: история, общество, человек и пр. становятся объектами (то есть появляются соответствующие объектные картины, а вопрос об их адекватности – это вопрос гораздо более поздний, постмодернистский). Теперь не Господь Бог, не фатум, не слепой случай определяют жизнь и ее параметры, но сам человек; и даже пределы самому себе он, согласно «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандола (1486), определяет теперь сам. Теперь и сама история становится объектом искусственно-технического отношения, вплоть до социальных революций XX века. Линейное же построение времен – боевой порядок перед штурмом Царствия Небесного. Именно таковы были притязания новоевропейского человека.

Сегодня мы знаем, что человечество не справилось с этим глобальным эволюционным вызовом (И. Кант называл его «совершеннолетием человечества»); не смогло соответствовать собственным непомерно завышенным притязаниям. Человек остался *par excellence* инфантильным существом с неоправданными амбициями и обидами. Обидами на Природу, концепт которой также был сконструирован в Новое время – Ф. Бэконом и др.; на Историю, в отношении которой теперь обид стало еще больше – зря ли принесли на алтарь борьбы с нею столько жертв! На Судьбу или Бога... – это все тоже фигуры объективации за прошедшие века, – объективации не всегда, увы, релевантной.

Будущее – базовая модернистская интенция

Однако до времени более или менее строгой рефлексии всего происходящего, т. е. до последней четверти XX века, уже в полной мере успели сложиться гораздо более локальные и специализированные формы преобразовательной, искусственно-технической активности, успевшие

текст

Петр Капустин

Воронежский
государственный
технический университет

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical
University

^ Рис. 1. Кадр из фильма «Тринадцатый этаж» (2006). Если поискать в сети по слогану «по ту сторону будущего», найдется много всякого, однако все это, без исключения, – алармистские и им подобные перепевы футурологических угроз, дистопии, в лучшем случае – антиутопии. Новоевропейский концепт будущего (а вместе с ним и вся линейная парадигма времени) пустил настолько глубокие корни, что даже попытки критической рефлексии его обычно заканчиваются вопиющим натурализмом, лишь поддерживающим сам этот четырехсотлетний паттерн (рисунок из открытых источников)

проникнуть во многие традиционные практики, в том числе в архитектуру, а также, разумеется, в новорожденные дизайн и урбанизм. Проектирование (или, точнее, то, что мы привыкли называть словом «проектирование») – метод таких преобразований. Оно радикально трансформировало архитектурную деятельность, и это проблема. Однако проблема эта имеет много измерений, здесь же мы рассматриваем лишь одно из них – принадлежность доставшегося нам от Нового времени проектирования сугубо линейному представлению о разворачивании времен. Вероятно, принадлежность такому именно представлению позволила известному нам проектированию состояться, подмяв под себя традиционные темпоральные фигуры архитектурного сознания [4, 5].

Одной из центральных характеристик проектирования – как и иных стратегий организации мысли и действия в определенной направленности – принято считать причастность его к будущему. Собственно, на будущее, упорно говорят нам, и нацелено проектирование и родственные ему стратегии (проектирование, прогнозирование, программирование, планирование и др.), что позволяет называть их не иначе как технологиями захвата будущего.

Гимн будущему пели жуль-верновские инженеры, пламенные революционеры, устроители грядущего счастья, авангардисты и модернисты всех мастей. Футуризм был во второй половине XIX и первой половине XX столетия всеобщим умонастроением, невзирая на стили. Когда В. Маяковский славил отечество, «которое есть, но трижды – которое будет», он всего лишь воспроизводил дзайтгайт: индугирование за тем, что на подходе, а оно вовсе не представлялось тогда туманным, напротив – ясным и светлым модернистским завтра. Чуть позже футурология – умудренное горьким опытом реализаций знание о способах грезить о будущем – стала питательной средой, гумусом проектных, художественных, социально-инновационных поисков второй половины XX столетия; она остается таковой и поныне (просто за неимением альтернатив), несмотря на эпические провалы всех ее прогнозов.

Проектирование – заложник будущего

Между тем нет концепта в большей мере противоположного идее проектирования как предельно креативного занятия, нежели концепт будущего. Прежде всего бросается в глаза его абсолютная и универсальная «дежурность»: «будущим» заполняется, хочется сказать – закрывается, экранируется все, что угодно. Концепт предельно обобщен и всеобщ, кроме того, он явственно имеет естественные каналы наполнения (что и отражено в схеме «Шаг развития»). То есть будущее наступает и без наших усилий, но, если нам нужно иное будущее, то оно должно иметь собственное имя, а не называться столь безлико. Ведь проектирование проясняет лик желаемого и должного, ему и давать имена. Вместо этого мы привычно используем слово, напоминающее бельмо или слепое пятно на нашем темпоральном воображении.

«Будущее» навязывает нам идею единственности пути и предуготованности судьбы – это и есть самая анти-проектная феноменология, ареал ее – немотствующее инородное тело внутри организма с высокой интенциональной напряженностью.

«Будущее» отсылает нас в небытие, в матовый туман ненаступивших времен, оно лишает нас присутствия в настоящем, приучает небрежно или презрительно относиться к прошлому, игнорировать вечное и вневременное.

«Будущее» – слово-паразит, но его происхождение не невинно. Использование слова в обсуждаемом нами контексте указывает на способ использования самого проектирования, как только оно внятно заявило о себе – в качестве тягловой силы, способной тянуть локомотив цивилизации куда-то вперед. «Вперед!» и «будущее» – почти синонимы, именно так они и употреблялись в годы революции и радикальных преобразований. Оба слова имеют интенцию подчеркнута горизонтального движения – прочь от прошлого, подальше от сего дня, в даль светлую. Горизонтальные стремления – новообретение эры географических открытий – противостоят вертикали традиционного трансцендентализма [6]: лучший мир теперь расположен не на небесах, а вдали. Однако к моменту центрации внимания на концепте будущего география и ее натуралистические открытия уступают место исторической воле и созиданию небывалого. Манящие дали расположены уже не в чужих странах, но в нашем завтра. Горизонтализм интенций сохраняется, как и пристрастие к планиметрическим проекциям, к перспективам, но переносится из пространства во время. Переносится – в историческом масштабе – очень стремительно, поэтому концепт будущего в проектировании оказался осязатим более причастен геометрии идеального пространства, нежели ритмике времени.

Ухрония versus утопия

Тяготение к концепту будущего может быть объяснено аналогией с утопией. Утопия открыла возможность обсуждать желаемое вне контекстов существования или осуществления; элиминировав «место» (или временно прикрыв его, как в схеме двойного знания), она открыла путь дискурсивным стилям, оказавшим немалое влияние на появление проектной мысли [7]. Но утопия оказалась чрезмерно «тонка» для массовой профессиональной деятельности, которой становилось проектирование, от нее по большому счету осталось лишь то, что принято называть визионерством. Визионерство – это и есть паразитическая эксплуатация интеллектуальной техники, открытой утопическим мышлением: отрицающая (приставка «у») маска закрывает теперь не место, но время. Так родился специфический квазипроектный концепт будущего – ухрония (термин предложил Шарль Ренувье в 1876 году). Ухрония оказалась чрезвычайно созвучна сознанию, желающему оставаться визуальным, репрезентативным и натуралистическим, – а именно

таким хотело бы оставаться архитектурно-проектировочное сознание, втягиваемое в процессы профессионализации. И в отличие от утопии, ухрония будущего пришлось более чем ко двору амбициозного, быстро почувствовавшего свою силу самосознания молодых проектировочных профессий.

Профессионализация означает доминирование стандартов и норм. Утопическое мышление не вменяется в сетку стандартов и норм, оно не может, не способно стать профессиональным. Абстракция будущего, напротив, предоставляет широкие возможности и для грез, обрастающих научными методиками («науки о будущем», но также и «науки об искусственном» [8]), и для самомнения профессионалов, для кастовой солидарности, для приличного общественного реноме. Она соблюдает очень удобный баланс всеобщего и того, что каждый может принять в ней за свое собственное будущее. В отличие от утопии, с которой никто не может и не хочет себя идентифицировать (а это и есть механизм существования утопии как протопроектной конструкции отчужденного замысла [7]), с будущим свою жизнь связывают все, всем оно дорого и всем интересно. Но, переходя из лингвистики в реальность концептуальной конструкции, можно легко обнаружить подлог: нас всегда оставляют перед целями, поставленными другими, нас зовут в никуда. Или, теперь надо говорить, в никогда.

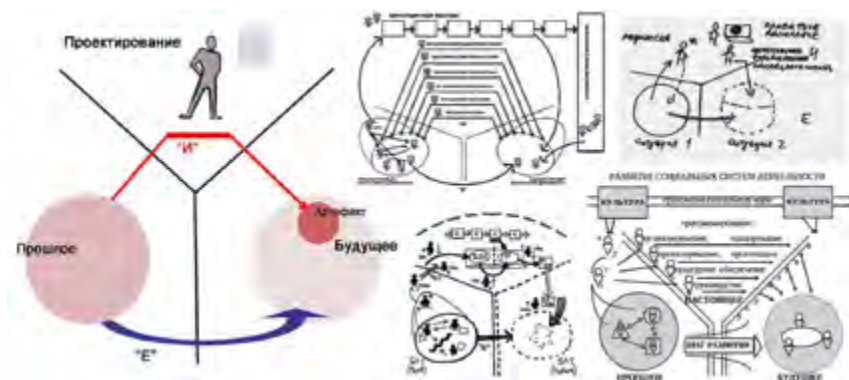
Освобождение от концепта будущего

В связи со сказанным становится очевидно, что освобождение от концепта будущего – наиболее актуальная задача развития методологии проектирования, а с ней и теории архитектуры (которая, как массовидное явление, увы, теперь без проектирования пропадет) на ближайшие десятилетия.

Первым очевидным сегодня направлением проблематизации концепта будущего можно считать констатацию несостоятельности его линейного, векторного паттерна. Мартин Хайдеггер еще в 1927 году писал: «Времяпроявление не означает "смены" экзистенциальных состояний. Будущее не позднее бывшего, а последнее не ранее настоящего. Времяположенность обнаруживает себя как будущее, пребывающее в прошлом и настоящем» (в переводе В. В. Библихина [9, с. 350]).

Такая проблематизация уже вышла за академические рамки и вполне обрела силу в самом обновляющемся проектном сознании. А. Г. Раппапорт в работе «Вещи и слова» пишет: «Проектирование, рожденное научно-техническим прогрессом, мыслило себя как действие перспективное, как «выбрасывание вперед», в том числе вперед во времени. Проектирование именно вследствие <...> своей темпоральной перспективности отождествляется обычно с творчеством настолько, что само творчество начинает мыслиться как нечто перспективно-авангардное, как сфера инноваций, что, скорее всего, тоже иллюзия, и на самом деле творчество не в меньшей, а может быть и в большей степени сопряжено не с будущим и предвидением, а с прошлым и с припоминанием, – возможно, даже с платоновским анамнезом (анамнезисом. – П. К.)» [10]. Целиком относится такая проблематизация, разумеется, и к схеме «Шаг развития», в которой, как указывал Г. П. Щедровицкий, движение «на сантиметр» вперед обязательно должно быть сопряжено с таким же движением в прошлое.

Гораздо сложнее с заменой невзрачного будущего на полноценные мифологические, мифопоэтические, символические или хотя бы метафорические концепты. Хотя проектная культура и состоит, в сущности, из таких образований, но рождение их каждый раз, в каждом проектном акте – проблема и таинство. Но в этом таинстве и состоит смысл проектного творчества, его открытый характер, освобождающийся от штампов и анемии общих мест буквально на наших глазах.

Литература

1. Капустин, П. В. Архитектурное проектирование и онтологический кризис // Проект Байкал. – 2023. – № 1 (75). – С. 36–47. DOI: 10.51461/pb.75.11
2. Капустин, П. В. Нелинейность развития и ее линейные проекции // Проект Байкал. – 2022. – № 2 (72). – С. 36–45. DOI: 10.51461/projectbaikal.72.1976
3. Капустин, П. В. Прототипы без проектирования? // Проект Байкал. – № 66. – 2020. – С. 68–75. DOI: 10.51461/projectbaikal.66.1720
4. Капустин, П. В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Саарбрюккен : Ламберта, 2012. – 252 с.
5. Капустин, П. В. Непроектное в архитектуре // Архитектура и строительство России. – 2022. – № 4 (244). – С. 112–117.
6. Капустин, П. В. Запад – Восток: воображение линии // Проект Байкал. – № 54. – 2017. – С. 66–70. DOI: 10.7480/projectbaikal.54.1251
7. Капустин, П. В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования : в 4 ч. // Архитектон: известия вузов. – 2011. – № 4 (36); 2012. – № 1 (37).
8. Саймон, Г. Науки об искусственном. – Москва : Мир, 1972. – 147 с.
9. Хайдеггер, М. Бытие и время. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 451 с.
10. Раппапорт, А. Г. Вещи и слова (против заговора молчания) // Башня и лабиринт. – URL: http://papardes.blogspot.ru/2011/05/blog-post_28.html (дата обращения: 15.05.2024).

References

- Heidegger, M. (2002). *Being and Time*. Nauka.
- Kapustin, P. V. (2011; 2012). Utopia in the evolution of architectural design: In 4 parts. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 4(36); 1(37).
- Kapustin, P. V. (2012). *Proektnoe myshlenie i arkhitekturnoe soznanie. Kriticheskoe vvedenie v ontologiyu i fenomenologiyu arkhitekturnogo proektirovaniya (monografiya)* [Design thinking and architectural consciousness. A critical introduction to the ontology and phenomenology of architectural design (monograph)]. Lamberta.
- Kapustin, P. V. (2017). West East: Imagining the line. *Project Baikal*, (14)54, 66-70. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1251>
- Kapustin, P. V. (2020). Prototypes without design? *Project Baikal*, 17(66), 68-75. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1720>
- Kapustin, P. V. (2022a). Neproektnoe v arkhitekture [Non-design in architecture]. *Architecture and Construction of Russia*, 4(244), 112-117.
- Kapustin, P. V. (2022b). The non-linearity of development and its linear projections. *Project Baikal*, 19(72), 36-45. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.72.1976>
- Kapustin, P. V. (2023). Architectural design and ontological crisis. *Project Baikal*, 20(75), 36-47. <https://doi.org/10.51461/pb.75.11>
- Rappaport, A. G. (2011, May 29). Things and words (against the conspiracy of silence). *Tower and Maze*. Retrieved May 15, 2024, from http://papardes.blogspot.ru/2011/05/blog-post_28.html
- Simon, H. (1972). *The sciences of the artificial*. Mir.

^ Рис. 2. Несколько вариантов прорисовки схемы «Шаг развития» – фундаментальной схемы, с помощью которой до сих пор обычно обсуждается проектное действие в методологической традиции (рисунок из открытых источников)